

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

из которой читатель узнает о том, как странствующие монахи преисполнились жалостью к детям, вызвали для их спасения духов, а также о том, как в зале дворца распознали дьявола и вели беседу о добродетели

Едва откроешь ты души своей ворота

Желаньям и страстям,—

Тебе грозит беда:

Стремглав ворвутся демоны туда,

А их изгнать — великая забота!

Как трудно, совершенствуясь, идти

К спасению по высшему пути!

Но изгони из сердца злые страсти,

Чтоб сор земли стряхнуть и отмести.

Храни себя от их враждебной власти.

Держи на привязи мятежный ум

И сердце укроти уздой дум.

Когда ж соблазнов ты развеешь тучи,

Отвергнешь себялюбие и ложь,

Очищенный, в нирвану попадешь.

Подстерегай счастливый час и случай,

Чтоб демонов коварных побороть

И усмирить бунтующую плоть.

И только подвиг завершив могучий,

Мирские узы ты расторгнешь сам

И возлетишь из клетки к небесам!

Итак, вы уже знаете, что Великий Мудрец Сунь У-кун, исчерпав всю свою изобретательность, обратился к Будде Татагате, который привел к покорности злых духов и тем самым избавил Танского монаха и его учеников от беды. Покинув город Диковинного верблюда, они продолжали свой путь на Запад.

Прошло еще несколько месяцев, приближалась зима.

Всюду в горных лесах

Перезрели, полопались сливы,

У озер

Ледяною корою покрылись заливы,

И, нахмурясь,

Угрюмые сосны чернеют вдали,

И багряные листья,

Спадая на землю, кружатся,

И летящие плоские тучи

Снегами грозятся,

И высокие травы

На горных лугах полегли.

Наступающей стужи

Мы всюду встречаем приметы.

До костей передрогли.

Теплом очага не согреты...

Наставник и его ученики стойко переносили все невзгоды, как говорится: «Ночевали под дождем и ели под открытым небом». И вот впереди снова показались строения.

— Сунь У-кун! Что за город виднеется вдали? — спросил Танский монах.

— Вот подойдем поближе, тогда и узнаем, — ответил Сунь У-кун. — Если это столица княжества, то надо будет получить там пропуск по проходному свидетельству, если же просто областной или окружной город, то мы так пройдем.

Беседуя, они подошли к городским воротам.

Танский монах спешил, и все четверо вышли на площадку перед главными воротами, полукругом обнесенную стеной. Здесь они увидели пожилого воина-стражника, который, прислонившись к стене, сладко спал на солнышке, убаюканный ветерком.

Сунь У-кун подошел к нему и, потрянув, окликнул:

— Эй, начальник!

Стражник сразу же в испуге проснулся, вытаращил глаза и, увидев Сунь У-куна, поспешно опустился на колени, отбивая земные поклоны и приговаривая:

— Отец! Отец!

— Чего зря шумишь? — остановил его Сунь У-кун. — Я ведь не святой и не злой дух. Чего ж это ты вздумал величать меня отцом?

— А ты разве не бог Грома? — спросил стражник, продолжая стучать лбом о землю.

— Глупости! — воскликнул Сунь У-кун. — Я монах из восточных земель и иду на Запад за священными книгами. Мы только что прибыли сюда, не знаем, как называется этот город, вот я и решил спросить тебя.

Тут стражник оправился от испуга, зевнул, поднялся и, потягиваясь, ответил:

— О почтеннейший! Почтеннейший! Прости мою вину! Эта страна вначале носила название государство Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей.

— Есть ли в этой стране государь-правитель? — спросил Сунь У-кун.

— Ну как же не быть? Есть, есть, есть, — ответил стражник.

Тут Сунь У-кун обернулся к Танскому монаху и сказал:

— Наставник! Эта страна прежде называлась государство Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей. Никак не пойму, зачем это сделали.

Танского монаха тоже охватило сомнение, и он нерешительно произнес:

— Если это была страна бикшу, то почему ее стали называть Страной детей?

— По-моему, царь нищенствующих монахов бикшу скончался, а на престол возвели малолетнего царя, вот поэтому ей и дали такое название, — выразил свою догадку Чжу Ба-цзе.

— Не может этого быть, — возразил Танский монах. — Никак не может быть! Давайте пройдем

в город и спросим у кого-нибудь из прохожих.

— Вот это правильно, — поддержал наставника Ша-сэн. — Этот старый стражник ничего не знает, а вид нашего старшего братца так напугал его, что он стал молоть всякий вздор. Пойдемте в город и там все разузнаем.

Они прошли через третьи ворота, вышли на главную улицу, ведущую к базару, и стали смотреть по сторонам. Прохожие были нарядно одеты и имели весьма благообразный вид. Вот как рассказывается в стихах об этом городе:

Из питейных домов

С веселящимся шумным народом,

Из веселых кварталов

Разносятся песни и гам.

Сколько лавок

И вывесок пестрых, висящих над входом!

Сколько пышной парчи!

И числа нет узорным шелкам!

На базарах конца нет и края

Веселой торговле.

Сколько улиц кругом,

Сколько тысяч домов — и не счесть!

Сколько разных торговых рядов

Под высокою кровлей!

Вот источник богатств,

Приносящих довольство и честь.

Все спешат и снуют,

Продают — ради денег и славы! —

Золотые изделия,

Чай, и шелка, и нефрит,

Но чем ближе к дворцу,

Тем прохожие все величавей!

Как нарядны! Как чинны!

Там строгий порядок царит!

Наставник вместе со своими учениками, которые вели коня и несли поклажу, шагал по городу. Шли они долго и никак не могли наглядеться на его пышность и великолепие. Они заметили, что у каждого дома висят корзины, в которых носят гусей.

— Братцы, — спросил, наконец, Танский монах, — почему это здесь почти на каждом воротах висят корзины для гусей?

Чжу Ба-цзе стал оглядываться по сторонам и действительно увидел, что над каждым воротами висят корзины, покрытые разноцветными шелковыми пологам.

— Наставник! — сказал он, рассмеявшись, — сегодня, наверное, счастливый день, в который устраивают свадьбы и встречи с друзьями. По этому случаю и вывесили корзины.

— Чепуха! — возразил Сунь У-кун. — Разве бывает, чтобы у всех на один и тот же день приходились семейные праздники! Нет, тут что-то не то. Погодите, сейчас я все разужаю.

— Не ходи! — крикнул Танский монах, удерживая Сунь У-куна. — Уж очень ты безобразен на вид, напугаешь людей.

— Я могу изменить свой облик, — ответил Сунь У-кун.

Ну и молодец Сунь У-кун! Прищелкнув пальцами и прочтя заклинание, он встряхнулся, превратился в пчелку, расправил крылышки и, подлетев к ближайшей корзинке, пролез под полог. Каково же было его удивление, когда он в корзинке увидел ребенка. В другой корзинке тоже оказался ребенок. Сунь У-кун просмотрел одну за другой несколько корзинок и во всех обнаружил детей, причем только мальчиков, ни одной девочки не было. Некоторые из них забавлялись, другие кричали и плакали, третьи лакомились фруктами или спали. Сунь У-кун не стал осматривать остальные корзинки и, приняв свой настоящий облик, вернулся к Танскому монаху.

— В корзинках дети, — доложил он наставнику, — причем самому старшему не больше семи лет, а самому маленькому нет и пяти. Не знаю, в чем тут дело.

Танский монах задумался.

Свернув за угол, путники увидели какое-то учреждение. Это оказалась почтовая станция с постоялым двором.

Танский монах обрадовался.

— Братья, — сказал он, — давайте зайдем сюда. Во-первых, мы узнаем, что это за город; во-вторых, дадим передохнуть нашему коню и, наконец, попросимся на ночлег, ведь уже вечерет.

— Правильно, — поддержал наставника Ша-сэн, — идемте скорей!

Все четверо, довольные, вошли в помещение. Дежурный по станции доложил о них смотрителю. Путников пригласили войти. После взаимных приветствий все расселись по местам, и смотритель обратился к Танскому монаху:

— Почтеннейший! Откуда путь держишь?

— Я, бедный монах, иду из восточных земель, из великого Танского государства, на Запад за священными книгами. У нас есть при себе проходное свидетельство, и мы сочли своим долгом предъявить его и получить пропуск, а заодно попроситься у вас на ночлег и передохнуть с дороги.

Смотритель станции велел тотчас же подать чаю, а затем распорядился устроить путников на ночлег. Танский монах поблагодарил его и спросил:

— Могу ли я надеяться побывать сегодня на приеме у вашего правителя и предъявить ему свое проходное свидетельство?

— Нет, — ответил смотритель, — сегодня уже поздно. Придется вам отправиться завтра на утренний прием. А пока располагайтесь поудобнее и отдыхайте.

Вскоре все было приготовлено, и смотритель станции пригласил четверых путников вместе с ним покушать, а слугам тем временем велел подмести и проветрить помещение, отведенное гостям для ночлега. Танский монах не переставал благодарить за радушный прием. Во время трапезы наставник обратился к смотрителю станции с такими словами:

— Сейчас нас, бедных монахов, мучает сомнение, которое мы никак не можем разрешить. Помогите нам, пожалуйста! Интересно знать, как у вас здесь появляются дети на свет и как их растят? — Есть поговорка: «На небе два солнца не светят, а среди людей не бывает двух разных истин», — начал объяснять смотритель. — Всем известно, что дети рождаются от семени отца и крови матери, десять лун зародыш пребывает в материнской утробе, а в положенное время появляется на свет. Мать кормит младенца грудью три года, после чего он постепенно принимает свой настоящий облик. Неужто вам об этом ничего не известно? Не может быть!

— Выходит, в вашей стране все происходит точно так же, как и в нашей, — вежливо ответил Танский монах. — Почему же в вашем городе над воротами каждого дома висят корзины для гусей, а в каждой корзине находится ребенок? Этого мы никак не можем понять, а потому и

осмелились потревожить тебя своими расспросами.

Тут смотритель станции приложил палец ко рту и, понизив голос до шепота, сказал:

— Почтеннейший, пусть это вас не тревожит! Ни с кем не говорите об этом! Спокойно устраивайтесь на ночлег, а завтра утром отправляйтесь в путь-дорогу.

Но Танский монах настолько был взволнован, что схватил за рукав смотрителя станции и, притянув его себе, стал настаивать, чтобы он обязательно разъяснил, в чем дело. Но тот лишь головой мотал и все повторял:

— Будьте осторожны! Будьте осторожны!

Однако Танский монах изо всех сил вцепился в смотрителя и не выпускал его. Он, видимо, во что бы то ни стало решил, хотя бы ценою жизни, вывести у него всю правду.

Пришлось смотрителю удалить всех служащих и слуг из помещения. Оставшись наедине с монахами, при свете ночника он начал едва слышно рассказывать им:

— Это случилось при нынешнем правителе, человеке беспутном, и лежит на его совести. К чему вам знать об этом?

— В чем же беспутство вашего правителя? — перебил его Танский монах. — Уж ты, пожалуйста, все толком объясни нам. Иначе мы не успокоимся.

— Так вот, знайте, что прежде эта страна называлась государство Нищенствующих монахов бикшу, — ответил смотритель, — а теперь в народе распевают песенки, в которых нашу страну называют Страной детей. Три года назад здесь появился какой-то старец, одетый даосом, который водил с собой девицу лет шестнадцати, — надо прямо сказать, очаровательную и грациозную, а лицом похожую на бодисатву Гуаньинь. Старец взял да и поднес ее в дар нашему правителю, которому она понравилась, и так он ее полюбил, что ввел к себе во дворец и дал ей прозвище Прекрасная государыня. Вскоре он стал коситься на своих законных цариц в трех дворцах и на любимиц в шести палатах и дни и ночи проводил в непрестанных утехах и веселии с молодой красавицей, и вот довел себя до того, что ослаб и духом и телом, перестал есть и пить, жизнь в нем едва теплится. Лекари из придворной лечебной палаты испробовали все лучшие средства, но ничего не помогает. Даоса, который подарил девицу, стали величать государевым тестем. Он знает секрет заморских снадобий, которые могут продлить жизнь. Когда-то ему довелось побывать на трех священных островах, где он собрал все целебные травы. Однако заливать их нужно отваром, приготовленным из сердец и печени тысячи ста одиннадцати детей. Зато действие его снадобья волшебное. Кто выпьет, тот тысячу лет не состарится. В корзинках как раз и находятся дети, которым суждено пойти на приготовление отвара. А родители их не смеют даже плакать из страха перед государем. Вот почему нашу страну стали называть Страной детей. Когда будешь завтра получать пропуск по проходному свидетельству, смотри ничего не говори правителю.

С этими словами он удалился.

Танский монах от страха не в силах был пошевелиться, по щекам его неудержимо катились слезы.

— О неразумный государь, — прерывающимся голосом заговорил он. — Своими неумными желаниями и страстями ты навлек на себя хворь и болезнь, зачем же теперь губить столько невинных детских жизней?! О горе! Великое горе! Сердце мое разрывается от жалости к несчастным детям.

Вот что рассказывают стихи об этом печальном событии:

Правитель той страны

Впал в мерзостную ересь.

Утратив Истину,

Колдунью полюбил.

Коварным замыслом красавицы

Доверясь,

Он душу погубил

И тело погубил.

Ища бессмертия,

Поверив безусловно

Советам демона,

Забыл он стыд и честь.

Чтоб дни свои продлить,

Решил он поголовно

Всех истребить детей,

Сварить сердца — и съесть!

Правдивые слова

Хозяина трактира

Так поразили слух

Монаха-мудреца,

Что вдруг лишился он
Спокойствия и мира,
Лицом на землю пал
И плакал без конца.
Перед светильником
Не прекращал стенанья
И слезы проливал,
Рыдал за часом час,
И к Будде он взывал
В глубины созерцанья,
Молясь, чтоб он детей
От лютой смерти спас.

Чжу Ба-цзе подошел к наставнику и стал утешать его:

— Наставник, что с тобой, ты, как говорится, притащил в дом чужой гроб и оплакиваешь покойника. Знаешь пословицу: «Если государь велит своему слуге умереть, а тот не умирает, значит, он не предан; если отец велит сыну погибнуть, а сын не погибает, значит, он непочтителен!» Ведь правитель губит свой народ, какое же тебе до этого дело?! Ложись спать и не убивайся из-за чужого горя.

— Брат! — обливаясь слезами, сказал Танский монах. — Какой ты бесчувственный! А ведь для нас, людей, покинувших мир суеты, первая заповедь это сострадание и добрые дела. Как же можно допустить, чтобы неразумный государь по своему неразумению совершал подобные поступки! Никто еще не слышал о том, чтобы отвар из человеческих сердец и печенок мог продлить жизнь! Как же мне не горевать и не убиваться?

— Не горюй и не печалься, наставник, — вмешался Ша-сэн. — Завтра утром, когда пойдешь получать проходное свидетельство, поговори с правителем. Если же он тебя не послушает, тогда посмотрим, что за птица тесть государя. Боюсь, что этот тесть как раз и есть злой оборотень, который сам хочет полакомиться человеческим мясом, вот он и придумал такой способ лечения. Все может быть.

— Ша-сэн, пожалуй, верно говорит, — отозвался Сунь У-кун. — Ложись спать, наставник, а завтра я отправлюсь с тобой вместе на прием к правителю. Посмотрим, что из себя представляет этот тесть государя. Если он человек, то, значит, сбился с правильного пути, впал в ересь и зря возлагает все надежды на снадобья, считая их истинным средством исцеления, тогда я, Сунь У-кун, постараюсь обратить его на путь Истины. Если же он злой дух-

оборотень, я схвачу его и покажу правителю здешнего государства, каков он в действительности, а затем научу государя умерять страсти и заботиться о своем здоровье; ни за что не дам ему загубить столько невинных детских жизней.

Танский монах так был растроган словами Сунь У-куна, что поспешно поклонился ему и с чувством произнес:

— Брат! Ты прекрасно придумал, молодец! Только у неразумного государя об этом деле нельзя ничего спрашивать, а то он, чего доброго, по своему неразумению обвинит нас в распространении ложных слухов и тогда не знаю даже, что с нами сделают!

— Ничего, — засмеялся Сунь У-кун, — как-нибудь справимся. А сейчас прежде всего надо унести подальше от города все корзинки с детьми и спрятать их. Местные власти, разумеется, явятся с докладом, а неразумный правитель станет либо советоваться с тестем государя, либо заставит отобрать столько же детей. Тогда, не опасаясь, что на нас возведут обвинение, и можно будет заговорить с ним об этом деле.

Танский монах очень обрадовался и спросил:

— Как же тебе удастся вынести корзинки из города? — И тут же добавил: — Если ты избавишь детей от гибели, это зачтется тебе, мой мудрый ученик, как великое благодеяние, равное по величине самому небу! Только действуй как можно скорее, ибо малейшее промедление может оказаться роковым!

Сунь У-кун приосанился и начал отдавать распоряжения Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

— Оставайтесь пока с учителем, — говорил он, — и ждите. Я вызову северный ветер, и как только вы услышите его завывание, знайте, что дети уже за городом.

Тут все трое монахов хором прочли псалом:

Я верю в великого Будду,

В спасителя нашего верю...

Великий Мудрец Сунь У-кун вышел за ворота, присвистнул и сразу же поднялся в воздух. Там он прищелкнул пальцами и прочел заклинание.

Тотчас же к нему явились: дух — хранитель города, дух местности, духи очагов, повелители духов пяти стран света, вникающие в суть явлений природы, четыре дежурных божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя, а также духи — хранители кумирен. Все они, совершив вежливый поклон, обратились к Сунь У-куну с вопросом:

— Великий Мудрец! Что привело тебя сюда — уж не стряслась ли какая-нибудь беда в ночную пору?

— Идя на Запад, мы попали в страну Нищенствующих монахов,— отвечал Сунь У-кун. — Правитель этой страны оказался человеком беспутным и всецело доверился злему духу-оборотню. А этот оборотень требует сейчас, чтобы ему дали сердца и печенки детей. Он говорит, что они необходимы ему для приготовления отвара, которым правитель должен запить снадобье, приносящее долголетие. Мой наставник не в силах вынести подобного злодейства и желает, чтобы мы спасли детей и уничтожили злого оборотня. Поэтому я и призвал вас всех, уважаемые духи, и прошу каждого проявить свое волшебство и вынести в отдаленные горы и ущелья или в глухие леса на один-два дня все корзины, висящие на воротах домов в этом городе, в которых находятся маленькие дети. Спрячьте их, кормите разными съедобными плодами, смотрите, чтобы они не голодали и не захворали, не пугались и не плакали. А когда я уничтожу злого оборотня, наведу порядок в стране, уговорю правителя вступить на путь Истины, мы тронемся в дорогу, тогда вы и доставите детей обратно.

Духи тотчас же принялись выполнять приказ Сунь У-куна и стали спускаться на землю, приготовившись пустить в ход волшебные чары. Завыл северный ветер, мгла окутала город.

Внезапно дунул ветер,
Узор померкнул звездный,
И лунный лик, сияющий
Над кругом всей земли,
Закрылся черным облаком,
И взвился вихрь морозный,
И грохот урагана
Послышался вдали.
Все ближе гул зловеший,
Все громче вой и гомон.
И, словно сотни дьяволов
Сюда слетелись вдруг,
Тайфун упал на город
И все затмил кругом он,
И горожан беспомощных
Всех охватил испуг.

Родители кидаются
В туман и мрак крошечный,
Хотят ребят испуганных
Под кровлю увести,
И, не страшась правителя,
Пытаются поспешно
Детей, в гусиных клетках томящихся,
Спасти!
Как было все угрюмо,
И сумрачно, и грозно,
Крутящаяся вьюга,
Клубящаяся мгла!
Боролись люди с бурей,
Замерзли на морозе,
Корою ледяною
Покрылись их тела.
Метались, плача, матери
В тревоге безнадежной,
Отцы, рыдая, звали,
Те — сына, эти — дочь,
Дядья и деда древние
Во тьме блуждали снежной,
Хоть жизни не щадили,
Но не могли помочь.
Везде кружились вихри!
И духи-исполины,
По воле Сунь У-куна
Слетевшие на зов,

С дрожащими младенцами
Гусиные корзины
В горах укрыли бережно
И в глубине лесов.
Пусть эту ночь родители
Всю провели в печали,
Безвременно погибшую
Оплавав детвору,
Зато рассвет безоблачный
С веселием встречали,
Найдя детей любимых
У двери поутру.

Об этом знаменательном событии сложены еще и такие стихи:

Как много было их,
Подвижников безгрешных,
Буддийских мудрецов,
Достойных всех похвал!
И звали Мохо тех,
Кто долго и успешно
Деяния добра и правды
Совершал.
Десятки тысяч их,
Великого Ученья
Святых учеников,
На праведном пути,
Кто в трех прибежищах
Искал успокоенья,

Кто заповедей пять
Старался соблюсти.
И к Будде светлому
Возносятся моления,
Чтоб людям он простил
Былые прегрешенья
Не царь был виноват,
Забывший стыд и жалость,
К несчастьям детей
В стране бикшу тогда:
Нет, видимо, давно —
В прошедшие года —
В их прежнюю судьбу
Несовершенство вкралось.
Но мудрый Сунь У-кун,
Душой страдая сам,
Всем духам приказал
Спасти детей в корзинах.
И подвиг совершил,
Угодный небесам,
Заслуги превзойдя
Буддийского брамина.

В ту ночь, в час, когда сменилась третья стража, духи благополучно доставили детей в безопасное место и приютили их там.

Тем временем Сунь У-кун по благодатному лучу спустился на землю и направился прямо во двор почтовой станции. До него донеслась молитва:

Я верю в великого Будду,

В спасителя нашего верю...

Ликуя, вошел Сунь У-кун в помещение и воскликнул:

— Наставник, вот и я! Ну как, бушевал здесь ветер?

— Ну и ветер был! — вставил свое слово Чжу Ба-цзе.

— А что с детьми? Удалось их спасти? — нетерпеливо спросил Танский монах.

— Они все до единого доставлены в безопасное место, — ответил Сунь У-кун. — А когда мы все уладим и отправимся в дальнейший путь, — их привезут обратно.

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна и лишь теперь спокойно улегся спать.

Едва забрезжил рассвет, Танский монах проснулся, привел себя в порядок и позвал Сунь У-куна.

— Брат У-кун! Я пойду во дворец за пропуском, — сказал он.

— Наставник! Боюсь, что один ты там ничего не добьешься! — ответил Сунь У-кун. — Пойдем вместе, посмотрим, что из себя представляет здешний злодей-еретик, заправляющий всеми делами в государстве.

— Как бы своей грубостью ты не навлек гнев правителя, — растерянно произнес Танский монах. — Ведь кланяться ему ты не пожелаешь.

— А он меня и не увидит, — ответил Сунь У-кун. — Я буду невидимо следовать за тобой, а если понадобится, то сразу же приду на помощь.

Ответ Сунь У-куна очень обрадовал Танского монаха. Он велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну сторожить поклажу и коня, а сам собрался в путь. В это время вошел смотритель станции, чтобы повидаться с Танским монахом, и был поражен переменой, происшедшей со вчерашнего дня во внешнем его облике. В самом деле:

...Он теперь одет

В халат буддийский из расшитой ткани

С чудесной яшмой.

На голове

Убор, как у святого Сакья-муни,
И так же волосы уложены.
В руках
Он держит стройный посох с девятью
Большими кольцами. В груди таит он
Незримый луч сияния святого.
И в ладанке из золотой парчи,
Сверкающей узорами, на сердце
Он проходную грамоту хранит.
Ступает плавно, медленно, спокойно,
Как будто он архат, с небес сошедший.
Так он одет. Взгляни, как он похож
На образ светлого живого Будды.

Совершив положенные поклоны, смотритель станции приблизился к Танскому монаху и шепнул ему на ухо, чтобы он не говорил с правителем о делах, которые его не касаются. Танский монах кивнул в знак согласия и обещал.

Тем временем Великий Мудрец Сунь У-кун шмыгнул к дверям, встряхнулся, прочел заклинание и, превратившись в цикаду, с жужжанием взлетел на головной убор Танского монаха. Тот вышел из помещения почтовой станции и направился прямо во дворец на утренний прием.

У ворот его остановил придворный евнух. Танский монах совершил вежливый поклон и произнес:

— Я — бедный монах, иду из восточных земель, где находится великое Танское государство, на Запад за священными книгами. Ныне, прибыв в ваши земли, я счел своим долгом явиться сюда, чтобы получить пропуск по своему проходному свидетельству. Мне хотелось бы повидаться со здешним правителем. Покорно прошу тебя доложить обо мне.

Придворный евнух отправился с докладом к правителю.

Правитель был очень обрадован и произнес:

— Недаром говорится: «Монах из дальних стран к добру имеет талисман!». Вели ему, пусть

войдет!

Придворный евнух передал волю своего повелителя Танскому монаху и пригласил его последовать за ним во дворец. После того как Танский монах совершил церемонию приветствия у ступеней трона, правитель предложил ему взойти на возвышение и сесть рядом с ним. Танский монах учтиво поблагодарил его за честь и милость и уселся на указанное место. Присмотревшись повнимательнее к правителю, Танский монах отметил про себя, что вид у него жалкий и изнуренный. Когда он жестом пригласил Танского монаха занять место, руки у него дрожали, а когда говорил — голос прерывался.

Танский монах показал правителю свое проходное свидетельство, но тот не мог прочесть ни строчки, так как и зрение у него стало слабым, — он несколько раз просматривал бумагу. Наконец взял свою драгоценную печать, приложил ее, а затем поставил подпись, после чего вернул свидетельство Танскому монаху, и тот спрятал его у себя.

Не успел правитель спросить, зачем понадобилось Танскому монаху отправиться за священными книгами, как появился сановник для поручений и доложил:

— Тесть государя изволил пожаловать!

Правитель с трудом сошел со своего ложа, поддерживаемый приближенными евнухами, и встретил прибывшего поясным поклоном.

Танский монах вскочил с места, стал в сторонке и начал исподтишка разглядывать тестя государя. Это был благообразного вида старец даос, он важно, вразвалку шествовал по яшмовым ступеням трона:

Бледно-желтая ткань

С шелестеньем, приятным для слуха,

С головы ниспадает

В разводах небес девяти,

И от рясы сверкающей

Из журавлиного пуха

Запах сливы цветущей

Несется за ним по пути.

Три лазурных шнура разукрашенных —

Царственный пояс! —

Туго-натуго

Бедра его оплетают кругом.
Он спокойно ступает,
О будущем не беспокоясь,
В конопляных сандалиях,
С поднятым гордо челом.
И таинственный посох
В руках у него извивался
Из волшебной лианы,
Как змей узловатый, живой.
И парчовый мешочек, блестя,
На груди красовался,
Весь в драконах и фениксах,
Полон волшебной травой.
И чело его, яшмы светлее,
Довольством сияло
И — в сознании власти —
Дышало покоем всегда.
А на грудь, развеваясь по ветру,
Легко ниспадала
Завитая, вся в кольцах,
Седая его борода
Но зрачки его желтым огнем,
Как у тигра, горели,
И глаза его были длиннее,
Чем брови его.
И струился за ним аромат,
Как из сада в апреле,
И в движениях гордых

Сквозило его торжество!
И у тронных ступеней
Почтительно старца встречали
Сто придворных чинов,
И, отдав ему должную честь,
До земли наклоняясь,
Торжественно все возвещали:
«К государю пришел
Государя возвышенный тесть».

Подходя к трону правителя, старец даже не подумал поклониться, а продолжал идти, гордо подняв голову. Когда же он приблизился, правитель выпрямился, поддерживаемый приближенными.

— Приветствую тебя, тесть государя! — сказал правитель. — Сегодня ты осчастливил меня своим ранним посещением. Затем он жестом пригласил даоса сесть слева от себя.

Танский монах сделал шаг вперед, склонился в глубоком поклоне и вежливо произнес:

— О великий тесть государя! Разреши мне, бедному монаху, справиться о твоём здоровье!

Но тесть государя продолжал важно восседать на своём месте, не отвечая на приветствие. Затем, повернувшись лицом к правителю, он спросил его:

— Зачем явился этот монах?

— Он из восточных земель, — ответил правитель, — его послал Танский император на Запад за священными книгами. А сюда он пришел получить пропуск по проходному свидетельству. — Путь на Запад, — засмеялся тесть государя, — зловещ и бесконечен. Что там хорошего?

— Запад издавна славится как страна высшего блаженства, — возразил Танский монах. — Как же можно говорить, что там нехорошо.

Тут в разговор вмешался правитель государства.

— Хотелось бы знать, верно ли говорят, будто с незапамятных времен монахи — дети Будды? Никак не могу понять! Неужели монахи, уверовавшие в Будду, не умирают, обретают

долголетие?

При этих словах Танский монах молитвенно сложил руки и стал объяснять правителю:

— Для того, кто становится монахом, сразу же прекращаются все мирские тревобления, кто постигнет истинную природу, тому все законы больше не нужны. Великий ум, беспредельный в своих знаниях, открыл, что безмятежный покой бывает только пока человек не родится. Человек пребывает в нирване, пока безмолвствуют его природные наклонности. Когда пусты его три мира, он управляет всеми поводами, ведущими к порокам; когда чисты его шесть чувств, то исчезают тысячи семян зла. Ты, повелитель, тверд в Истине и сам все понимаешь: если сердце чисто в своих помыслах, то оно только одно и будет сиять в тебе полным блеском, и если сохранишь в себе такое сердце, то сияние его проникнет во все пределы. Кто праведный, у того нет недостатка в чем-либо, нет также чего-либо излишнего, что можно наблюдать и при жизни; к чему прибегать к исключительным мерам и искать в них спасение, если воображаемые образы принимают какой-либо облик, который сулит недобрый конец? Для начала, чтобы погрузиться в самоотрешение, надо совершить подвижничество, сесть уединенно и предаться самосозерцанию. Основой самосовершенствования, по правде говоря, являются щедро раздаваемые милости и совершение благодеяний. Когда великий мастер не в ударе, он знает, что не следует приниматься ни за какие дела; если хорошо задуманный план не подготовлен к осуществлению, необходимо целиком отложить его. Но если в сердце ты непоколебим, то мечты твои все сбудутся наверняка; кто говорит о том, что силой темной Инь восполнить можно силу света Ян, тот лжет тебе, скажу по правде; он создает тебе приманку для отвода глаз обещанием пустым о долгоденствии твоём. Стоит тебе отказаться вообще от всех мирских желаний, и сразу станут пустыми твои все страсти к предметам и к существам живым. Будь прост во всем и меньше проявляй желаний и любви, тогда и долгоденствие само придет к тебе и станет вечным.

Тесть государя, внимательно слушавший Танского монаха, при последних словах его разразился громким смехом.

— Ха! Ха! Ха! — хохотал он, указывая пальцем на Сюань-цзана. — Вот так монах! Сколько нагородил разной чепухи! Значит, чтобы пребывать в состоянии блаженства, надо обязательно уяснить свою природу? Да ты и сам толком не знаешь, как можно уничтожить свои природные наклонности! Сиди и чхни в своем созерцании. Все это глупые бредни. Недаром сложили про вас меткую поговорку:

Сиди, сиди, сиди, сиди,—

До дырки ты протрешь халат.

Ты — в состоянье «Самади»,

Огонь горит в твоей груди,

А между тем, того гляди,

Хоромы у тебя сгорят!

Видно, ничего он не знает о нас: тот, кто совершенствует себя, чтобы стать бессмертным, заботится о своем здоровье, а кто постигнет учение Дао, тот станет духом пронизательнее всех. Возьмешь с собой плетушку и ковш из тыквы-горлянки и пойдешь в горы к друзьям своим. Там соберешь лекарственные травы, какие только есть на свете, будешь ими лечить людей. Соберешь цветов бессмертника, сплетишь из стебельков соломенную шляпу, а из душистого ятрышника набьешь подстилку для постели. Споешь песню, похлопаешь в ладоши, затем уснешь под облаками. Каким же способом постичь учение Дао? Очень просто: повсюду прославляй превыше всего учение наше и правильным его считай. Как воду наговаривать ты научись и как изгонять разбойный дух в мирянах. Потом узнай, как извлекать из неба и земли их лучшие эфиры и собирать цвет жизненных сил, таящихся в Луне и Солнце. И, наконец, ты можешь приступить к тому, чтоб сочетать силы Инь и Ян в пилюле для жизни вечной, соразмеряя огонь и воду, ядро пилюли бессмертия завяжет плод. В числах «два» и «восемь» растворится сила Инь и станет твой рассудок мутным и неясным, а в числах «три» и «девять» сила Ян расти начнет, и в мрак ты вступишь Преисподней. И будешь ты класть в снадобье, сообразуясь с временами года, все разные вещества, пусть пройдут еще девять оборотов в тигле, где будет вариться твое снадобье, и оно, наконец, будет готово. Тогда ты воссядешь на чудесную черную птицу Луань, и она поднимет тебя в Пурпурный дворец, сядешь верхом на белого аиста и поднимешься до самой столицы Нефритового императора. Будешь любоваться всеми красотами небесных чертогов и прославлять таинства учения Дао.

А теперь сравни мое учение со своим — учением Сакья-муни, требующим неподвижного спокойствия и созерцания, подавления в себе всех страстей и угашения духа! Ведь даже когда ты войдешь в нирвану, все равно останется твоя зловонная оболочка и тебе не оторваться от бренного мира! Из всех трех учений нет выше моего. Недаром издавна одно лишь Дао считалось достойным уважения.

Правитель государства от этих слов пришел в неописуемый восторг. А придворные чины подхватили последние слова тестя государя и стали хором повторять:

— Одно лишь Дао достойно уважения!

Танский монах, видя, что все в один голос, восхваляют его противника, пришел в сильное смущение.

Между тем правитель государства велел приготовить постную трапезу для гостей, пришедших издалека, и затем проводить их из города.

Танский монах еще раз поблагодарил за милость и честь и покинул дворец. Не успел он сойти с тронного возвышения и направиться к выходу, как Сунь У-кун очутился возле его уха.

— Наставник! — сказал он. — Этот тесть государя самый настоящий оборотень. А здешний правитель всецело находится в его власти. Ты иди пока на станцию и жди, когда позовут на трапезу, а я побуду здесь, может быть, еще что-нибудь разузнаю. Танский монах покинул дворец, и тут мы пока расстанемся с ним.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. Взмахнув крылышками, он влетел в приемный зал дворца

Золотых колокольчиков, сел на изумрудную ширму и вдруг увидел, как из рядов сановников вышел начальник стражи.

— Повелитель мой! — воскликнул он. — Сегодня ночью над городом пронесся сильный ветер, он сорвал все корзины с детьми и унес их. До сих пор никто не знает, где они.

Правитель пришел в ужас от этого сообщения и в то же время его охватило чувство досады. Обратившись к тестю государя, он с раздражением произнес:

— Не иначе, как само небо хочет моей гибели! С каждым месяцем мне становится все хуже, и придворные лекари не в силах вылечить меня. Я был так счастлив, когда ты рассказал мне о своем чудесном средстве, и с нетерпением ждал наступления полудня, когда должны были приготовить отвар. Кто мог подумать, что налетит ветер и унесет корзины с детьми. Видно, так и есть, само небо хочет моей гибели.

— Повелитель! — сказал тесть государя. — Не надо огорчаться. Небо дарует тебе долгую жизнь и именно поэтому ветер унес детей.

— Как же так? — изумился правитель. — Ведь теперь не из чего готовить отвар, а ты говоришь, что небо дарует мне долгую жизнь.

— Сегодня утром, когда я явился к тебе на прием, — ответил тесть государя, — я увидел прекраснейшее средство для приготовления отвара, которое во много раз сильнее, чем сердца тысячи ста одиннадцати мальчиков. Отвар из них продлил бы тебе жизнь всего на тысячу лет, а средство, о котором я сейчас говорю, даст тебе возможность прожить сотни тысяч лет.

Правитель никак не мог понять, что имеет в виду тесть государя. Наконец тот уступил настойчивым просьбам правителя и сказал:

— У монаха из восточных земель, который идет за священными книгами, весьма благообразный вид. Это значит, что он прошел через десять перерождений в самоусовершенствовании. С самого раннего детства ведет монашескую жизнь и еще ни разу не источал из себя первичную жизненную силу. Он в десятки тысяч раз лучше, чем все эти дети. Если приготовить отвар из его сердца и печени и запить им мое чудесное снадобье, то можно прожить целых десять тысяч лет.

Неразумный правитель поверил словам тестя государя.

— Что ж ты мне раньше об этом не сказал? — огорчился он. — Знал бы я, так не отпустил бы его.

— Это легко исправить! — утешил его тесть государя. — Ведь он прежде вкусит трапезу и лишь потом тронется в путь; надо сейчас же отдать приказ закрыть все городские ворота и выделить

отряд воинов. Они плотным кольцом окружают здание почтовой станции и постоялого двора, схватят монаха и доставят сюда. Вначале нужно вежливо попросить его отдать свое сердце. Если он согласится, мы вскроем ножом его грудь и извлечем сердце, а затем похороним его с императорскими почестями, можно даже воздвигнуть в честь его храм и приносить жертвы; если же он не согласится, надо связать его и применить к нему силу. Разве это так трудно?

Неразумный правитель послушался совета тестя государя и велел закрыть все городские ворота, а старшим и младшим начальникам дворцовой стражи приказал окружить почтовую станцию и постоялый двор при ней.

Сунь У-кун, который слышал весь разговор, вспорхнул и мигом очутился у почтовой станции. Приняв свой прежний вид, он вошел в помещение и сразу же обратился к Танскому монаху.

— Наставник! Беда! Беда! — взволнованно сказал он.

Танский монах, который только что вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном сытно поел, услышав эти слова, так испугался, что сразу же без чувств упал на пол, весь покрылся холодным потом и не мог вымолвить ни слова. Ша-сэн кинулся поднимать его, приговаривая: «Наставник! Очнись! Очнись!».

— Ну, какая беда? Какая? — спросил Чжу Ба-цзе. — Ты бы лучше рассказал все толком, да по порядку, чем пугать наставника!

— Как только наставник покинул дворец, — торопливо заговорил Сунь У-кун, — я стал следить за всем, что происходило там, и убедился, что тесть государя — злой оборотень. Когда к правителю явился начальник стражи и доложил о том, что ветер унес корзины с детьми, правитель был очень раздосадован, но оборотень сразу же утешил и обрадовал его, сказав: «Это само небо дарует тебе долгую жизнь!» Оборотень уговорил правителя схватить нашего наставника и сварить из его сердца и печени отвар. Он сказал правителю, что это продлит ему жизнь на сотни тысяч лет. Неразумный правитель поверил оборотню и выделил отряд отборных воинов, приказав им окружить станцию и постоялый двор. Кроме того, сейчас сюда явится сановник в парчовой одежде, который будет просить сердце у нашего наставника!

Чжу Ба-цзе захохотал:

— Сострадание мы проявили. Детей спасли! Ветер подняли! А в беду все же попали!

Трясаясь от страха, Танский монах поднялся на ноги и, ухватившись за Сунь У-куна, стал причитать:

— Что же нам теперь делать? Просвещенный ученик мой, скажи, что делать?

— Если хочешь, чтобы все обошлось благополучно, — сказал Сунь У-кун, — то надо «великое»

представить «ничтожным».

— Что значит: «великое» представить «ничтожным»? — спросил Ша-сэн.

— Я могу спасти наставника лишь в том случае, если он станет учеником, а я наставником, — сказал Сунь У-кун.

— Я охотно готов стать твоим учеником и даже учеником твоих учеников, если только ты спасешь мне жизнь, — с мольбой в голосе произнес Танский монах.

— Если так, то медлить нечего, — решительно сказал Сунь У-кун и принялся отдавать распоряжения.

— Чжу Ба-цзе! Скорей замеси немного глины, — скомандовал он.

Дурень тотчас же достал свои грабли и наковырял из пола немного земли. Однако он побоялся выйти из помещения, чтоб принести воды, а потому отошел в сторону и поднял полы одежды. Смочив землю, он замесил комок глины и передал его Сунь У-куну. Тот раскатал из земли блин, а затем прижал к своему лицу, чтобы сделать с него точный слепок. Потом он велел Танскому монаху стать перед ним неподвижно и молча, после чего налепил слепок на его лицо, прочел магическое заклинание, дунул волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах сразу же принял облик Сунь У-куна. Он снял свои одежды и надел на себя одежду Сунь У-куна. А Сунь У-кун поспешил нарядиться в одеяния Танского монаха, щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и тотчас же принял благообразный вид Танского монаха. Теперь даже Чжу Ба-цзе и Ша-сэну было бы трудно распознать его.

Едва монахи успели преобразиться, как послышались удары в гонги и барабаны и показался целый лес копий и мечей. Это был трехтысячный отряд дворцовой стражи, который прибыл под командой придворных чинов и окружил кольцом почтовую станцию с постоянным двором. Затем монахи увидели сановника в парчовом одеянии, который вошел в помещение и спросил:

— Где здесь почтенный наставник — монах из восточных земель, посланец Танского императора?

Смотритель станции перепугался и повалился в ноги важному наставнику.

— Он находится в следующем помещении для постояльцев, — проговорил смотритель, указывая на дверь.

Важный сановник прошел в помещение, где были монахи.

— Почтенный наставник из Танского государства! — торжественно возвестил он. — Мой повелитель приглашает тебя к себе!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали по обеим сторонам мнимого Танского монаха, а тот вышел к сановнику, совершил церемонный поклон и спросил:

— Не можешь ли сказать мне, великий сановник, о чем хочет говорить со мной твой повелитель?

Тот подошел поближе и, взяв его за руку, сказал:

— Пойдем со мной ко двору. Думаю, что государь хочет взять тебя на службу.

Вот уж поистине:

Обманом оборотень злой

Добру жестокий дал урок.

Монах безмерной добротой

Сам на себя беду навлек.

Если вам интересно узнать, что произошло с Сунь У-куном, обратитесь к следующей главе.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288505>